

УДК 821

ЛИТЕРАТУРНОСТЬ «АВТОБИОГРАФИИ» МАРКА ТВЕНА

© Тамара Селитрина

FICTIONAL FEATURES OF MARK TWAIN'S "AUTOBIOGRAPHY"

Tamara Selitrina

The full text of "Autobiography" first appeared in Russian in 2014. The book violates many canons of the genre, as it represents a collection of separate sketches, essays and extracts, however, they reveal the writer's personality and his unique image. His narrative combines an autobiography with diary notes. Based on the two topics, childhood and life in Florence, the article presents the synthesis of nonfiction and fiction, real facts and belles-lettres, associative imagery and a tendency of oral narrative forms. Twain's autobiography is characterized by true humanity, reflecting universal problems of human life. The article shows that general principles of the aesthetic development of Mark Twain's creative work are reflected in his autobiography. Mark Twain widely bases his works on both fictional and real events and personalities. The episodes of his childhood, spent at his uncle's farm, reveal the joyful sense of space and poetic interest in nature. These episodes involve the idea of anthropomorphism. The writer highlights that each day of his life could make a complete book. By singling out the finest particles of thought and its elements, he sometimes gets close to James Joyce's approach. He considers that the thought itself is difficult to capture and reproduce, although, it is the very thing that makes up a human life. Contrary to this view, some Twain's contemporaries (Howells) believe that Twain does not follow the conventional rules of literary art. However, his autobiography naturally simulates the harmony and disorder of life itself.

Keywords: Mark Twain, autobiography, childhood, Florence, genre, nonfiction and fiction, anthropomorphism.

На русском языке полный текст «Автобиографии» Твена появился лишь в 2014 году. Книга нарушает многие каноны жанра, поскольку представляет собрание отдельных очерков, этюдов, фрагментов, но они тем не менее раскрывают характер писателя и его неповторимый облик; его повествование сочетает автобиографию с дневниковыми записями. На примере двух основных фрагментов: тема детства и пребывание во Флоренции – в статье показан синтез документального и художественного, реального факта и беллетристики, ассоциативной образности и склонность к устным формам повествования. Автобиография Твена причастна подлинной человечности и универсальным проблемам человеческого бытия. В статье показывается, что общие закономерности эстетического развития творчества Марка Твена относятся и к его автобиографии. Марк Твен широко опирался и на вымысел, и на невымышленные события и лица. В эпизодах, где описывается детство, проведенное на ферме дяди, раскрывается радостное ощущение раздолья и поэтическая страсть в общении с природой. В этих сценах применяется принцип антропоморфизма. Писатель обращает особое внимание на то, что его каждый прожитый день составил бы целую книгу. Выделяя мельчайшие частицы мысли, ее элементы, он иногда приближается к позиции Джеймса Джойса. Он полагает, что саму мысль трудно схватить и зафиксировать, но именно она и составляет жизнь человека. Вопреки позиции ряда современников Твена (Хоуэллс), что Твен не литературен по сути и по манере, в книге Твена осознанно и органично имитирована естественность и неупорядоченность самой жизни.

Ключевые слова: Марк Твен, автобиография, детство, Флоренция, жанр, документальное и художественное, антропоморфизм.

Известно, что Марк Твен на протяжении многих лет стремился создать свою автобиографию. Все перипетии ее написания и публикации изложены в предисловии к английскому изданию «Autobiography of Mark Twain» («Марк Твен. Автобиография», русский перевод с английского

Н. Кудашевой [Твен]). В отечественном литературоведении некоторые аспекты анализа «Автобиографии» освещены в главе «Биографии в твенновской автобиографии» М. О. Мендельсона в его книге «Реализм Марка Твена» [Мендельсон, с. 290–305], а также в главе Екатерины Стеценко

«Автобиографическая проза Марка Твена» [Стеценко] в репрезентативной коллективной монографии сотрудников ИМЛИ, опубликованной в 1987 году [Марк Твен и его роль в развитии американской реалистической литературы].

В данной статье на примере двух основных фрагментов первого тома автобиографии Марка Твена (темы детства и флорентийские заметки) показан синтез документального и художественного, реального факта и беллетристики. Сам термин «литературность» можно понимать как литературные впечатления, стимулирующие творчество того или иного автора. Однако, на наш взгляд, «литературность» можно понимать как «художественность», ибо анализируемая книга Марка Твена обладает эстетической ценностью, когда «действительность познания» оформляется художественно, поскольку посредством воображения создается вымышленная предметность.

Жанр автобиографии получил развитие в американской литературе с момента ее зарождения. В «Автобиографиях» Бенджамина Франклина, Генри Адамса, а затем и Генри Джеймса преобладает тенденция изображения событий в хронологическом плане, становления характера и убеждений их авторов. Это своеобразные «романы воспитания». Самопознание, стремление к самоанализу, аналитизм присущ этим авторам типологически. Например, Генри Джеймс писал о своем отце, поклоннике идей Сведенборга: «Значение отца было глубоким, от него исходило дыхание гуманизма, запечатлевающееся в каждой клетке моего существа <...>. И в то же время мы были свободны в проявлениях интеллектуальной жизни, полетов мысли, собственных экспериментов в интересующих нас областях – обо всем этом вспоминаю с наслаждением» [Селитрина, с. 11]. Однако в художественных произведениях Генри Адамса и Генри Джеймса биографизм едва заметен. Напротив, у Марка Твена автобиографичность присутствует как в его книгах «Налегке» и «Жизнь на Миссисипи» (1883), так и в травелогах «Простаки за границей» и «Пешком по Европе».

Более того, начиная с 1870 года и вплоть до 1905 года Марк Твен пытался надиктовать свою автобиографию, но всякий раз откладывал в сторону продиктованные им фрагменты в общей сложности в количестве двух с половиной сотен. В конце концов, незадолго до смерти он распорядился опубликовать эти тексты лишь через сто лет после его кончины. Он красноречиво объяснил свое требование следующими вескими причинами. По его мнению, нельзя задевать чувства любого из живущих, изображенных им людей,

будь то родственники или коллеги по литературному цеху. Кроме того, он считал, что спустя сто лет он «как бы из могилы» может говорить абсолютно свободно, высказываясь со всей откровенностью по многим частным проблемам.

Находясь в 1904 году во Флоренции, он предположил, что автобиографию следует писать с произвольно выбранного периода:

<...> wander at your free will over your life; talk only about the thing which interests you for the moment; drop it to the moment its interest threatens to pale, and turn your talk upon the new and more interesting thing that has intruded itself into your life meantime (с. 220). – <...> бродить свободно по всей своей жизни, говорить только о том, что интересует тебя в данный момент, оставить тему, когда интерес грозит угаснуть, и перевести разговор на новый, более интересный предмет, который сам вторгся тебе в память (с. 67) (здесь и далее цит.: [Autobiography of Mark Twain] и [Твен] – Т. С.).

Он считал, что повествование должно сочетать автобиографию с дневниковыми записями:

<...> in this way you have the vivid things of the present to make a contrast with memories of like things in the past, and these contrasts have a charm which is all their own (с. 220). – <...> благодаря этому живые моменты настоящего будут контрастировать с воспоминаниями о похожих событиях из прошлого, и сами эти противопоставления будут иметь свое очарование (с. 67).

По его мнению,

<...> no talent is required to make a combined Diary an Autobiography interesting <...>. It makes my labor amusement – mere amusement, play, pastime, and wholly effortless (с. 220). – <...> никаких особенных талантов, чтобы подобное сочетание дневника и автобиографии стало интересным, не требуется <...> и самый труд становится чистым развлечением, игрой, приятным времяпрепровождением, совершенно не требующим усилий (с. 67).

Предваряя автобиографию, Марк Твен в своем предисловии заметил:

<...> what a wee little part of a person's life are his acts and his words! (с. 220). – <...> лишь крохотную часть человеческой жизни составляют поступки и слова, <...> подлинная жизнь происходит у человека в голове, неведомая никому, кроме него самого (с. 67).

Марк Твен признает, что

<...> all day long, and every day, the mill of his brain is grinding, and his thoughts (which are but the mute ar-

ticulation of his feelings) not those other things are his history (с. 220). – <...> весь день напролет и ежедневно жернова его мозгов усердно трудятся, именно мысли (которые есть не что иное, как невысказанные вслух чувства), а не что-либо другое, являются историей (с. 68).

Он полагает, что

his acts and his words are merely the visible thin crust of his world, with its scattered snow summits and its vacant wastes of water – and they are so trifling a part of his [bulk!] a mere skin enveloping it. The mass of him is hidden – it and its volcanic fires that toss and boil, and never rest, night [not] day (с. 220). – человек действует, и слова – всего лишь видимая тонкая корочка его мира с разбросанными там и сям снежными вершинами и бессмысленным переливанием из пустого в порожнее – и они составляют такую пустяковую часть его величины! – всего лишь оболочку, в которую он упакован. Основная его часть скрыта – как и ее вулканические массы, которые, извергаются и бурлят, и никогда не отдыхают – ни днем, ни ночью (с. 68).

По его мнению,

these are his life, and they are not written, and cannot be written (с. 221). – именно они составляют его жизнь, невыраженные на письме, да их и невозможно так выразить (с. 68).

Когда Марк Твен добавляет, что

every day would make a whole book of eighty thousand words – three hundred and sixty-five books a year. (с. 221). – каждый день составил бы целую книгу в восемьдесят тысяч слов – это триста шестьдесят пять книг в год, – то, на наш взгляд, под этой фразой мог бы подписаться ирландский писатель Джеймс Джойс (с. 68).

Подводя итог своей сентенции, Марк Твен делает любопытное заключение:

Biographies are but the clothes and buttons of the man – the biography of the man himself cannot be written (с. 221). – Биография – всего лишь одежда и пуговицы человека; биографию самого человека написать нельзя (с. 68),

– поскольку, следуя логике писателя, невозможно отразить все те мысли и чувства, которые охватывали его на протяжении всей жизни.

В «Автобиографии» выделяются два фрагмента: первый – воспоминание детства, второй – пребывание во Флоренции. С неподражаемым юмором писатель рассказывает о дате и месте рождения:

My parents removed to Missouri in the early thirties; I do not remember just when, for I was not born then and cared nothing for such things. It was a long journey in those days and must have been rough and tiresome one. The home was made in the wee village of Florida and I was born there in 1835. The village contained a hundred people and I increased the population by 1 per cent (с. 209). – Родители поселились в крохотной деревушке Флорида округ Монро, и там в 1835 году родился я. В деревушке обитала сотня жителей, и я увеличил народонаселение на один процент. Это больше, чем сделал когда-либо какой-либо человек для любого города в истории (с. 45).

В детстве и отрочестве каждое лето Твен проводил на ферме своего дяди. В его памяти всплывает благословенная, живая поэтическая страсть в общении с природой:

I can call back the solemn twilight and mystery of the deep woods, the earthy smells, the faint odors of the wild flowers, the sheen of rain-washed foliage, the rattling clatter of drops when the wind shook the trees, the far-off hammering of wood-peckers and the muffled drumming of wood-pheasants in the remotenesses of the forest, the snap-shot glimpses of disturbed wild creatures skurrying through the grass <...>. (с. 216). – Я помню исполненные торжественности сумерки и таинственность густых лесов, запахи земли, слабые ароматы полевых цветов, сверкание омытой дождем листвы, дробный стук капель, когда ветер раскачивает деревья, отдаленный стук дятлов и приглушенную барабанную дробь лесных фазанов в глубине леса, стремительные взгляды потревоженных диких существ, мечущихся в траве <...>. (с. 259).

Радостное ощущение раздолья охватывало мальчика при виде прерии. В его воспоминаниях она наделена чертами антропоморфности:

<...> its loneliness and peace, and a vast hawk hanging motionless in the sky, with his wings spread wide and the blue of the vault showing through the fringe of their end-feathers (с. 216). – <...> ее одиночество и покой и громадный ястреб, неподвижно зависший в небе, с широко расправленными крыльями, и проглядывающая сквозь бахрому перьев синева свода (с. 60).

Радость поэтического познания действительности присутствует в описании леса в осеннем уборе:

<...> the oaks purple, the hickories washed with gold, the maples and the sumachs luminous with crimson fires (с. 216). – пурпурные дубы, орешники-гикори, облитые золотом, клены и кусты сумаха, сияющие малиновым пламенем (с. 60).

Для Твена птицы и лесные звери – большой и сложный мир. Во время охоты он не признает

легкой победы над спящей или охваченной любовью птицей. Он помнит охоту на енотов и белок по ночам, и долгие переходы через черный сумрак лесов, и волнение, которое воспламеняло каждого, «*when the distant bay of an experienced dog announced that the game was treed*» (с. 218). – «*когда отдаленный лай опытной собаки возвещал, что дичь загнана на дерево*» (с. 62).

Однако его печалит сама жестокость охоты, когда стаи голубей забивали палками, оглушали белок:

<...> and down tumbled the animal, unwounded but unconscious; the dogs gave him a shake and he was dead (с. 218). – <...> зверек кувырком летел вниз, не раненый, но бесчувственный, собаки его хорошенько встряхивали, и он умирал (с. 64).

Он называет приманивание птиц и зверей «аморальной методикой». Часто он сожалел, что не болен и вынужден идти на охоту вместе с дядей и кузенами. Твен сознает, что охота – состязание человека с природой, воспитание выносливости, изобретательности. Он с поразительной наблюдательностью отмечает характер птиц, как в случае с индейкой, прикидывающейся хромой и заводящей его в глубину леса, а затем вспорхнувшей и стремительно умчавшейся в голубизну небес. В воспоминаниях писателя отсутствует чувство удовольствия от гибели животных, у него нет торжества воли человека над природой.

В кратком фрагменте о детстве Твен способен показать присущую природе поэзию жизни. Сцены охоты превращаются в своеобразные новеллы, где писатель предстает перед читателем в качестве увлекательного рассказчика, интересного собеседника, непринужденно повествующего об историях из жизни своих пернатых героев. Лирический элемент становится преобладающим и придает характерную эмоциональную окраску всему очерку.

На русском языке полный текст автобиографии Твена появился лишь в 2014 году. Книга нарушает многие каноны жанра, поскольку представляет собрание отдельных очерков, этюдов, фрагментов, тем не менее они раскрывают характер писателя и его неповторимый облик.

В 1904 году он вновь напомнил, что на протяжении последних пяти-десяти лет сделал несколько попыток создать автобиографию тем или иным рукописным способом, но –

the result wasn't satisfactory, it was too literary. With a pen in a the hand the narrative stream is a canal, it moves slowly, smoothly, decorously, sleepily, it has no blemish except that it is all blemish. It is too literary, too

prime, too nice: the gate and style and movement are not suited to narrative. (с. 224). – результат был неудовлетворительный, это было слишком литературно. С пером в руке поток повествования – это искусственный канал, поток движется медленно, гладко, благопристойно, сонно, в нем нет изъянов, кроме того, что весь он – сплошной изъян. Он слишком литературен, слишком чопорен, слишком изыскан (с. 21).

Твен делает ставку на свободное, ничем не стесненное устное повествование. На его взгляд, автобиография «*is like narrative and should be spoken*» (с. 20). – «*сходна с сагой и должна наговариваться*» (с. 20).

Сама диктовка, таким образом, становилась методом литературного творчества. В самом деле, достаточно вспомнить историю об участке теннесийской земли в сто тысяч акров, приобретенной его отцом. Спустя сорок лет после кончины отца семья «благополучно сплывила» эту землю буквально за гроши; впоследствии стало известно, что там нашли нефть. Твен помнил, что на протяжении целого поколения эта земля побуждала членов семьи надеяться на перспективу разбогатеть. Хотя в середине 1909 года, когда его спросили, правдивы ли его заметки в «Норт Американ Ревью» о земле в Теннесси, он ответил:

Literarily they are true that it to say they are product of my impressions-recollections. As sworn testimony they are not worth anything; they are merely literature. His long-standing plan to speak as truthfully as possible «from the grave» is no longer just a plan (с. 20). – В литературном смысле они правдивы, т. е. они – продукт моих впечатлений-воспоминаний. В качестве показания под присягой они ничего не стоят, – это просто литература (с. 29).

Вторая часть «Автобиографии» – флорентийские записки – начинаются с описания Виллы ди Кварто, в которой семья Твена провела полтора года до самой кончины его жены Оливии. Твен шутливо заметил, что читательницы романов обычно пропускают описания погоды, но

When they read novels they usually skip the weather, but I have noticed that they read with avidity all that a writer says about the furnishings, decorations, conveniences, and general style of a home (с. 231). – с жадностью проглатывают все, что писатель говорит об обстановке, внутреннем убранстве, удобствах и общем стиле жизни (с. 88).

При этом вещи в описании Твена антропоморфны и им присущи качества живых существ:

The fireplace and the stately columns are aristocratic, they recognize their kinship, and they smile at each other.

That [is,] when they are not swearing at the rest of the room's belongings (с. 237). – Камин и величественные колонны аристократичны, они признают свое родство и улыбаются друг другу. Это когда они не бранятся на остальные предметы в комнате (с. 98).

The floor of the room is covered with a superannuated nightmare of a carpet whose figures are vast and riotous, and whose indignant reds and blacks and yellows quarrel day and night and refuse to be reconciled (с. 237). – Пол комнаты покрыт престарелым кошмаром в виде ковра, узор на котором необъятен и необуздан и чьи негодующие красный, желтый и черный цвета конфликтуют день и ночь и отказываются примириться (с. 99).

«rickety chest»; «curtains have a proud and ostentatious look which deceives no one»; canopy... is of the nobility, it is of the aristocracy, it belongs with the majestic white pillars and the dainty old marble [fireplace]; all the rest of the room's belongings are profoundly plebeian, they are exiles, they are sorrowful [outcasts] from their rightful [home,] which is the [poor house] (с. 238). – «рахи́тичный комод»; «занавески имеют надменный вид, который никого не способен обмануть»; балдахин относится к знати, он относится к аристократии, он стоит в одном ряду с величественными белыми колоннами, все остальные вещи в комнате глубоко плебейские, они изгнанники, они скорбные изгои из своего законного дома, коим является дом бедняка (с. 100).

On the end wall of the yellow half of the room hang a couple of framed engravings, female angels engaged in their customary traffic of transporting departed persons to [heaven] over a distant prospect of city and plain and mountain (с. 238). – На торцевой стене... висит парочка оправленных в рамки гравюр: женственные ангелы, занятые своим обычным делом по транспортировке скончавшихся особ на небеса над раскинувшимися далеко внизу городами, равнинами и горами (с. 100).

В 1906 году Твен в эйфории энтузиазма полагал, что фрагменты его «Автобиографии» будут читаться и вызывать восхищение немало веков «*characterizing them as examples of «the right way» to do an autobiography»* (с. 31). – «*благодаря своим форме и методам»* (с. 26).

Однако, несмотря на его предисловие «из могилы», к примеру, высказывание Твена о Брет Гарте, «*как о показном неискреннем позере»* [Твен, с. 27], «*was good company and a thin but pleasant talker; that he was always bright, but never brilliant»* (с. 229). – «*умном, но никогда не блистательном»* (с. 82), сыграло трагическую роль в жизни Брет Гарта, поскольку издатели руководствовались этой репликой Твена.

Марк Твен отверг строго хронологический формат автобиографии, она включала эскизы о братьях, друзьях детства, фрагменты его деятельности в качестве лоцмана, рассказы о матери и близких, ставших прототипами его художественных произведений.

Твен не был склонен раскрыть диалектику своей душевной жизни, саму текучесть психических процессов. Если в «Исповеди» Руссо «действительно рассказал о себе много „неблаговидного“, унижительного, даже смешного, – словом, такого, что люди, даже готовые признаться в своих больших пороках, особенно тщательно скрывают» [Гинзбург, р. 212], то Твен изображает себя своего рода положительным героем, поскольку все эпизоды показаны с его точки зрения.

Хоуэллс вспоминал, что, «начиная работу, Клеменс намеревался сделать автобиографию „a perfectly veracious record of his life and period“» [Twain, с. 57] («совершенно правдивым отчетом о своей жизни и эпохе» [Твен, с. 28]).

Но затем Твен признался в том, что с правдивостью ничего не вышло:

<...> as to veracity it was a failure; he had begun to lie, and that if no man ever yet told the truth about himself it was because no man ever could (с. 57). – <...> что касается достоверности, она потерпела провал, он начал лгать, и что если ни один человек не поведал еще правды о себе, то это потому, что ни один человек не в состоянии это сделать (с. 28).

Автор введения к русскому изданию «Автобиографии» Гарриет Эленор Смит заметила, что «фактически к 1904 году Клеменс опытным путем уже убедился, что любая автобиография состоит, главным образом, из подавленной правды, даже если беспощадная правда все же присутствует там между строк» [Твен, с. 28].

Твен писал:

I have been dictating this autobiography of mine daily for three months; I have thought of fifteen hundred or two thousand incidents in my life which I am ashamed of, but I have not gotten one of them to consent to go on paper yet. I think that that stock will still be complete and unimpaired when I finish these memoirs, if I ever finish them. I believe that if I should put in all or any of those incidents I should be sure to strike them out when I came to revise this book (с. 57). – Я диктую эту автобиографию ежедневно в течение трех месяцев. Я вспомнил полторы или две тысячи эпизодов своей жизни, которых стыжусь, но я еще не готов перенести ни один из них на бумагу... Уверен, что если вдруг я вставлю в них все или любые на выбор из этих эпизодов, то непременно вычеркну их, когда стану править книгу (с. 28).

По справедливому мнению Гарриет Эленор Смит, «Автобиография» Марка Твена «should just now be recovered from his vast accumulation of papers, and that the Autobiography's standing and value as "literature" be at last recognized» [Twain, р. 57]. – «...будет наконец вызволена из обшир-

ного скопища бумаг и ее репутация и литературная ценность будут, наконец, признаны» [Твен, с. 29].

Безусловно, «Автобиография» Твена причастна универсальным бытийным началам. Она является собой синтез документального и художественного, факта и беллетристики, ассоциативности воображения и склонности к устным формам повествования.

Вильям Хоуэллс в своих воспоминаниях о Марке Твене заметил, что из всех литераторов, каких он знал, Твен «был самым нелитературным по сути и по манере <...> он писал, как думал, как думают все – не придерживаясь логики, несвязно, без оглядки на то, что было сказано раньше, и что должно последовать» [Хоуэллс, с. 30]. Это мнение Хоуэллса, на первый взгляд, применимо и к автобиографии Твена. Однако наиболее точен в оценке творческой манеры Твена, касающейся его автобиографии, наш отечественный американист А. Зверев. По мнению А. Зверева, «„Автобиография“ не доведена до конца; в сущности, перед нами только заготовка к будущей книге. Вполне возможно, что, готовя свою рукопись к печати, Твен позаботился бы о более стройном изложении и как-то укрепил фундамент всей постройки. Однако и в этом случае кажущаяся хаотичность рассказа полностью не исчезла бы. Потому что она не являлась результатом авторского недосмотра. Она была осознанной и органичной для твеновского повествования... он имитировал естественность, неупорядоченность, неукротенность жизни, отразившейся на его страницах» [Зверев, 1987, с. 136].

А. Зверев считал «„Автобиографию“ прекрасной книгой, умной, богатой наблюдениями и иронией» [Зверев, 1985, с. 136]. Добавим, что живое чувство, точность каждой детали, естественная непринужденность рассказа, ассоциативность воображения, пронизывающая автобиографию, вводит эту книгу в контекст художественного наследия писателя, соотносясь с теми произведениями, в которых реальные факты и их беллетризация превращаются в мощную стихию творчества, создавая эффект художественной многомерности.

Список литературы

Гинзбург Л. О психологической прозе. Л.: Советский писатель ленинградское отделение, 1971. 463 с.

Зверев А. О специфике смехового искусства Марка Твена // Марк Твен и его роль в развитии американской реалистической литературы. М.: Наука, 1987. С. 133–156.

Зверев А. М. Мир Марка Твена: очерк жизни и творчества. М.: Детлит, 1985. 175 с.

Марк Твен и его роль в развитии американской реалистической литературы / под ред. Я. Н. Засурского. М.: Наука, 1987. 239 с.

Мендельсон М. О. Реализм Марка Твена. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 348 с.

Селитрина Т. Л. Г. Джеймс и проблемы английского романа. 1980–1890 гг. Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1989. 127 с.

Стеценко Е. Автобиографическая проза Марка Твена // Марк Твен и его роль в развитии американской реалистической литературы. М.: Наука, 1987. С. 52–72.

Твен М. Автобиография / Марк Твен; пер. с англ. Н. Кудашевой. Москва: АСТ, 2014. 574, [2] с.

Хоуэллс Уильям Дин. Из книги: «Мой Марк Твен» // Марк Твен в воспоминаниях современников / Перевод М. Лорие. М.: Terra-terra, 1994. 416 с. С. 20 – 84.

Autobiography of Mark Twain, Volume 1 / Edited by Elinor Smith and other editors of the Mark Twain project, Volume 1. Los Angeles, Berkley: California Press, 2010. 736 p.

Smith, Elinor. Introduction // Autobiography of Mark Twain, Volume 1 / Edited by Elinor Smith and other editors of the Mark Twain project, Volume 1. California Press, Berkley, Los Angeles: London, 2010. P. 1–58.

References

Autobiography of Mark Twain, Volume 1. (2010). Edited by Elinor Smith and other editors of the Mark Twain project, Volume 1. 736 p. Los Angeles, Berkley: California Press. (In English)

Ginzburg, L. (1971). *O psikhologicheskoi proze* [On the Psychological Prose]. 463 p. Leningrad: Sovetskii pisatel' leningradskoe otdelenie. (In Russian)

Khoulles, W. D. (1994). *Iz knigi: „Moi Mark Tven“* [From the Book “My Mark Twain”]. Mark Twain v vospominaniakh sovremennikov / Perevod M. Lorie. Pp. 20-84. Moscow: Terra-terra. (In Russian)

Mark Twain i ego rol' v razvitiu amerikanskoi realisticheskoi literatury (1987). [Mark Twain and His Role in the Development of American Realist Literature]. Pod red. Ia. N. Zasurskogo. 239 p. Moscow: Nauka. (In Russian)

Mendel'son, M. O. (2005). *Realizm Marka Tvena* [Mark Twain's Realism]. 348 p. Moscow: IMLI RAN. (In Russian)

Selitrina, T. L. (1989). *G. Dzheims i problemy angliiskogo romana* [G. James and the Problems of the English Novel]. 1980–1890 gg. 127 p. Sverdlovsk: izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)

Smith, Elinor. (2010). *Introduction. Autobiography of Mark Twain, Volume 1.* Ed. by Elinor Smith et al. Volume 1. Pp. 1–58. California Press, Berkley, Los Angeles: London. (In English)

Stetsenko, E. (1987). *Avtobiograficheskaia proza Marka Tvena* [Autobiographical prose by Mark Twain]. Mark Twain i ego rol' v razvitiu amerikanskoi realisticheskoi literatury. Pp. 52–72. Moscow: Nauka. (In Russian)

Tven, M. (2014). *Avtobiografiia* [Autobiography]. Mark Tven; per. s angl. N. Kudashevoi. 574, [2] p. Moscow: AST. (In Russian)

Zverev A. M. (1985). *Mir Marka Tvena: ocherk zhizni i tvorchestva* [The World of Mark Twain: An Essay on Life and Oeuvre]. 175 p. Moscow: Detlit. (In Russian)

Zverev A. (1987). *O spetsifike smekhovogo iskusstva Marka Tvena* [On the Features of Mark Twain's Comic Art]. *Mark Tven i ego rol' v razvitii amerikanskoj realisticheskoi literatury*. Pp. 133–156. Moscow: Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 17.11.2016

Поступила в редакцию 17.11.2016

Селитрина Тамара Львовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Башкирский государственный
педагогический университет
им. М. Акмуллы,
450000, Россия, Уфа,
Октябрьской революции, 3а.
selitrina@yandex.ru

Selitrina Tamara L'vovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Bashkir State
Pedagogical University
named after Akmulla,
3a Oktyabrskaya Revolutsiya Str.,
Ufa, 450000, Russian Federation.
selitrina@yandex.ru